Колокол будет звонить на Чадобце

С некоторых пор общественно-политическая газета Кежемского района стала напоминать мне дорогу с односторонним движением. Сколько раз по ней не проезжай, — перед глазами только половина трассы и половина всего, что с нею связано.

Так и наше «Приангарье». Читай проблемную статью хоть сверху вниз, хоть снизу вверх — двух мнений не отыщешь. Хотя еще древние догадались, что истина рождается в спорах...

Почти детективная история с Кодинской церковью («Советское Приангарье» от 11 февраля с. г. — «Зазвонит ли колокол на православной?») берет свое начало в глубинах 10-й пятилетки.

Разрабатывая проект Богучанской ГЭС, специалисты вполне резонно посчитали, что нельзя «за просто так» пускать под воду трехсотлетнюю историю Приангарья. И в главе 13-й «Сводной сметы затрат на мероприятия по подготовке водохранилища ГЭС» появилась запись: «на перенос, реставрацию и восстановление объектов народного деревянного зодчества» выделяется 417, 73 тыс. рублей.

Первую «разведку боем» провели в конце 70-х годов — группа товарищей в созерцательно-рекомендательных целях пересекла акваторию будущего водохранилища с востока на запад.

В середине 80-х московский институт «Спецпроектреставрация» приступил к рисованию архитектурно-этнографического музея в Кодинске. В его состав вошли Никольская церковь из д. Селенгино и группа жилых домов с хозпостройками, характерными для Приангарья конца XIX-го — начала XX-го века.

К моменту окончания подготовительных работ сменились четыре районных правительства, часть памятников погибла в огне от случайных пожаров, что-то увезли к себе в область расторопные иркутяне.

Героические попытки объединить усилия заказчика в лице краевого управления культуры, столичных проектировщиков и сборной команды из разных подрядчиков закончились полным провалом. Четвертый год перестройки ознаменовался реальной угрозой потерять и музей, и оставшиеся деньги...

В этой ситуации мы решили взять инициативу на себя и, отказавшись от услуг посредников, пересмотреть саму концепцию музея.

РОВНО ДВА ГОДА ТОМУ НАЗАД СОВЕТ МУЗЕЯ ПРЕДЛОЖИЛ СОЗДАТЬ НА БАЗЕ СЕЛЕНГИНСКОЙ ЦЕРКВИ ДЕЙСТВУЮЩИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМ.

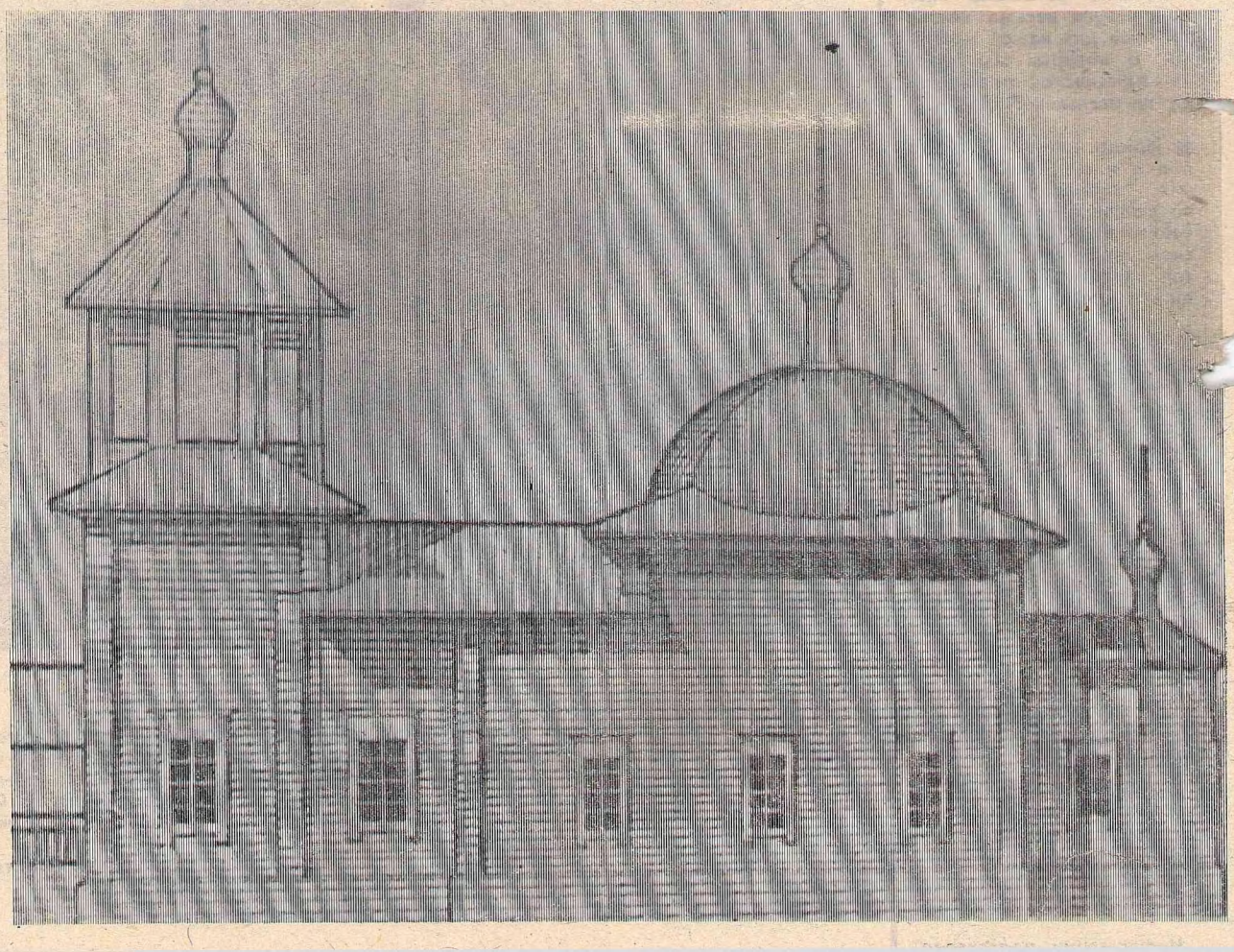
Мы задавались единственной целью — сделать музей по-настоящему жизнеспособной структурой, а не традиционным набором бревенчатых сооружений с грустным сторожем, запыленными экспонатами и редким посетителем.

Это было время нарождающейся демократии, бурных дебатов и митингов, в которых уже тогда просматривались элементы предстоящих политических битв. Модным стало копание в грехах, массовый уход из партии и «скоропостижное» превращение вчерашних научных атеистов в закоренелых верующих. Начиналось «великое противостояние» города и района...

Наша идея с церковью стала весьма популярным предвыборным лозунгом и «деловые» люди не преминули ею воспользоваться. На огонек еще незажженной свечи махом слетелись предприниматели, в установленном порядке зарегистрировалось малое предприятие, сразу несколько кооперативов изъявили желание положить свои силы на алтарь родного города.

Через несколько месяцев все было кончено...

Во-первых, совет доказал всем и вся, что музей народной архитектуры и быта Приангарья однозначно должен быть ПРИ АНГАРЕ, в противном случае — это фальшивка. Во-вторых, магическая сумма в 2 млн. рублей (так оценили стоимость музея проектанты) оказалась блефом. Край сообщил, чтобы на деньги, предусмотренные сметой ГЭС, мы больше не рассчитывали: они-де потрачены на проектирование, подготовительные работы и еще непонятно на что, а надеяться, что недостающих полтора миллиона выделит Министерство нашей нищей культуры (как это предполагали москвичи) было бы просто наивностью.

Тем не менее, страсти не улеглись, и в пику «консервативному» райисполкому было решено, во что бы то ни стало, возвести городскую церковь. Идея (пусть даже чужая) в наше время отнюдь не крамольная, и если бы с самого начала она не была так тесно связана с политикой, результат на сегодняшний день мог быть более весомым чем тот, который есть.

В. КУНДУШ,
архитектор.